

И. А. Разумова

СОВРЕМЕННЫЕ РАССКАЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАМИЛИЙ

Рассказы о происхождении фамилий — предания и мемораты — являются частью семейной повествовательной традиции и, представляя один из способов историко-генеалогических реконструкций, фокусируют целый комплекс этиологических мотивов, хотя и не исчерпываются ими. Мы обратимся в первую очередь к наиболее типичным интерпретациям фамильных антропонимов на текстовом материале, записанном в 1997–2000 годах в Северо-Западном регионе России от информантов преимущественно молодого возраста. Большинство истолкований — это семейные версии, воплощенные в устойчивых нарративах, что и позволяет относить данную категорию текстов к области семейного фольклора.

Объяснения фамилий зависят от представления о них как: а) о выражении внутренней сущности родственной группы, связанной с ее происхождением; б) о свидетельстве событий семейной истории или в) о формальном окказиональном наименовании, поддающемся только историко-лингвистической интерпретации.

Независимо от реальных знаний о своей фамилии и обстоятельствах ее получения (во многих семьях этим вопросом не интересуются), общесемейное имя если не переживается, то, по крайней мере, оценивается его носителями. Об этом свидетельствуют ситуации (иногда болезненные), которые возникают при выборе и смене фамилии в связи с браком, получением паспорта, рождением ребенка (если у родителей фамилии разные) и в менее типичных случаях. Важнейшим аргументом выступает необходимость сохранить родственную преемственность.

Судя по многочисленным высказываниям информантов, отождествление родственной группы (особенно во времени) и ононима является актуальным переживанием: «Эта ветвь рода, идущая от моего прадеда, находится в упадке, поскольку двое детей всего носят имя Дубининых. А род Бомбиных держится еще на пяти наследниках» (Юрий, 17 лет); «[Отец] желает, чтобы я дала свою фамилию детям сво-

им. Ведь у нас только мой брат передает нашу фамилию своему сыну» (Ирина, 17 лет) и т. п.

По тому, как соотносятся понятия «род», «семья», «фамилия», можно пронаблюдать диапазон представлений о родственных группах. Наиболее типично приравнение «фамилии» к ветви рода или собственно «роду», и семья в таком случае воспринимается как совокупность фамилий: «В нашей семье живут носители самых различных фамилий: Минькины, Ивановы, Стабровы, Федуловы» (в числе названных — девичья фамилия бабушки и мужа тети) (Ирина, 18 лет). Кстати, многие информанты, отвечая на вопрос о семейном наименовании, рассказывают без дополнительных уточнений о девичьей фамилии бабушки, равно считая ее «своей».

Основой ононимических рассказов служат сведения различного происхождения. В первую очередь это семейное предание, уже имеющее устойчивую форму. Во-вторых, современные предположения и версии членов семьи как результат обсуждения темы. В-третьих, индивидуальные гипотезы. Наконец, интерес к значению фамилии удовлетворяется путем обращения к справочной литературе и учителям, объяснение принимается к сведению или переинтерпретируется применительно к своей семье (последнее достаточно редко).

Большинству людей свойствен интерес к однофамильцам. Поиски однофамильцев, наличие или отсутствие, реакция на них обязательно отмечаются в рассказах. Существенным признаком фамилии является неповторимость/распространенность; то и другое может оцениваться положительно как выражение самобытности/укорененности (в первую очередь этнической) семьи. Обладатели самых распространенных фамилий рассуждают об их символическом значении или, по крайней мере, о том, что «очень много русских людей носили эту фамилию». Для иноязычных наименований указывается типовая аналогия: «Эта фамилия распространена у финнов, как у русских Иванов» (Яскелайнен) и т. п. Обязательно отмечается тот исторический факт, что на родине предков «полдеревни было Бородиных», то есть фамилия изначально тождественна поселению.

Устойчивые ассоциации с выдающимися однофамильцами и информация о них вызывают неоднозначную реакцию: констатацию, опровержение, гипотезы о возможном родстве, сознательный вымысел с целью повышения престижа, иронию, проявляющуюся в шутках и т. п.: «Сестра моей бабушки вышла замуж за человека с фамилией Воронцов, следовательно, можно сделать вывод, что в нашей семье есть человек, имеющий непосредственное отношение к генералу-губернатору Крыма» (Елена, 18 лет).

Фольклоризируются рассказы об анекдотических ситуациях, связанных с социальным бытием фамилии, например, при совпадении ее с фамилией местного начальника и т. д. (несколько таких историй,

связанных с родителями и ею самой, рассказала однофамилица бывшего первого секретаря обкома). Отношение к своей фамилии — один из показателей социальной ориентации и культурных установок.

Как и любое имя, фамильное имеет большие сюжетопорождающие возможности, что подтверждается множественностью интерпретаций и версий происхождения. Причины заключаются не только в этимологических неясностях и разнообразии типов номинации при создании фамилий, но и в характере реального функционирования общесемейных наименований, способах их получения, формах существования и осмысления. Версии различаются в разных семьях, сосуществуют в одной семье и в индивидуальном сознании. Артист А. В. Баталов, рассказывая о происхождении фамилии, заметил: «Если вы с дамочками нашими поговорите, они вам скажут, что это Баталини, это куафер у Екатерины... А если со мной, то я вам скажу, что “ботало” — это такой колокольчик, который спокон веку вешали на шею корове, чтобы она не потерялась в лесу» (из телеинтервью 22.11 1998 года).

Фамилии с самой ясной основой имеют не меньшее количество вариантов толкований. Среди наших текстов, например, не встретилось такого, где фамилия Логинов возводилась бы к имени, но есть две другие интерпретации: 1) «...возможно, что изначально корнем являлось греческое слово “логос” — наука» (Валентина, 23 лет); 2) «Предки изготавливали деревянные ложки, украшали их росписью, орнаментом, резьбой. Многие играли на ложках. Отсюда и пошла фамилия Логиновы» (Елена, 18 лет). Очевидно, что в первом случае версия принадлежит информанту и является результатом «филологических» рассуждений. Второй текст представляет семейное предание, так как из фонетического облика слова реконструируется такое «исходное» значение, которое бы соотносилось или могло соотноситься с семейным опытом. Этот рассказ воспринят информантом от деда.

Для нас наиболее важным аспектом оказывается выявление способов связи фамилии с историей семейных групп там, где эта связь имеется. Существует комплекс известных представлений о том, почему присваивалось то или иное наименование, но в конкретных случаях семейно-биографический контекст индивидуализирует ситуацию вплоть до уникальной.

Приведем две версии для фамилии с вполне ясной лексической основой — Смирновы. 1) «*Эта фамилия с Вологды* (здесь и далее курсив мой. — И. Р.). Мой дед родом оттуда. В той деревне, где жил мой дедушка, у всех была фамилия Смирновы. Говорят, что люди с такой фамилией *должны быть* очень обязательными и исполнительными, то есть *смирными*» (Илона, 18 лет). Здесь основной акцент сделан на локальной укорененности. Обратим внимание, что в таком контексте оба значения «фамилии» — как ононима и родственной группы — сближены. Что касается денотативного значения = качества характера, то наличие его у родственников постулируется лишь как возможность.

2) «В годы Первой мировой войны моего прадеда призвали в царскую армию. Необходимо назвать свою фамилию. А, как известно, ни фамилий, ни паспортов у крепостных крестьян в то время не было. И кто как называли себя. Если отца звали Иван, значит, Иванов. <...> В таком случае прадед Василий Матвеевич должен был взять фамилию Матвеев. Но, по велению судьбы, прадед увидел стоящую на столе бутылку водки “Smirnoff”. <...> Название (как, наверное, и сама водка) прадеду понравилось, и он назвался Смирновым. <...> Оговорюсь сразу, что это никак не отразилось на склонности к “горячительному”, напротив, прадед это дело не уважал» (Анна, 18 лет).

При получении фамилии благодаря столь конкретному инциденту не требуется установления денотата наименования. Более того, сам инцидент формирует эксклюзивное значение фамилии, чем и объясняется оговорка информанта в конце. Основа предания — мотив самоприсвоения фамилии (как результат возможности выбора — дополнительный мотив), типичный для антропонимических меморатов. Текст свидетельствует также об исторических представлениях, связанных с фамилией антропонимией. Знание общей ситуации сочетается с анахронизмом таким образом, что исторические обстоятельства подстраиваются под историю семьи.

При наличии нескольких версий фамильного наименования члены семьи могут отдавать предпочтение какой-либо одной из них, осуществляя «выбор прошлого», как правило, индивидуально: «О фамилии нашей — Никольские — есть две версии. Одна — предположительно польская фамилия... вторая — духовная фамилия, что-то связанное с религией, церковью и т. д. Опять же безосновательная. Хотя лично мне она больше нравится, чем первая» (Алексей, 18 лет).

Есть и другая возможность — объединение версий на основе истории семьи: «Фамилия Сарафанов — очень древняя. Сарафан — это в старые времена была одежда воина. Во-первых, мои предки, по рассказам, были очень воинственные; во-вторых, в семье занимались шитьем. Вообще “сарафан” — это тюркское слово, может, в крови моей есть и такая» (Григорий, 17 лет). Таким образом, семейная память используется и дополняется одновременно, если интерпретация исходит из идеи онтологической связи фамилии с семейным бытием.

Объяснение происхождения фамилий основано: а) на комплексе лексических значений основы ононима (включая этимологическое); б) значениях, связанных с фонетико-грамматическим оформлением фамилии; в) на инциденте при получении наименования. Установление значений без очевидного или имплицитного соотнесения их с фактами семейной истории не создает текста рассматриваемой нами группы.

При дешифровке фамилии «семантическая аттракция» (термин Н. И. Толстого) осуществляется на нескольких уровнях: 1) при установлении ее лексической основы; 2) при идентификации «прозвища», спо-

соба номинации (соотнесение значения денотата со свойствами человека) и 3) на этапе верификации выявленного значения (или нескольких значений) в данном семейном контексте. О фамилии Шумиловы: «<1> Корнем моей фамилии является слово “шумило”. <2> Так в Сибири раньше называли маленького ребенка, шумного, непоседливого, непослушного. <3> Насколько я знаю, у меня папа с сибирских краев. А еще в Сибири есть даже деревня Шумилово» (Любовь, 19 лет).

Установка на историчность выражается в том, что в рассказы о конкретных фамилиях включается мотив о происхождении их вообще: «До 1861 года у крестьян не было фамилий. Были лишь имена и прозвища. А после отмены крепостного права помещиков обязали давать крестьянам фамилии» (Прасковья С., 65 лет); «Раньше давали имя и фамилию в церкви: к какому празднику христианскому ближе родился, так тебя батюшка и окрестит» (Виктория, 17 лет, со слов бабушки).

Согласно историческим источникам, к концу XVI—XVII века фамилии «стали употребляться как неотъемлемая часть индивидуального имени не только в среде холоповладельцев, но и в среде непривилегированных сословий» (Пушкарева 1996: 68), однако длительность и неравномерность этого процесса, включавшего этнолокальные вариации, очевидны и не могли не сказаться на характере массовых интерпретаций.

Мотив отыменного происхождения фамилий, воплощаясь в событийной конкретике, создает этиологические рассказы, в большинстве своем построенные на мотиве «люди называют детей по имени отца»; типовая мотивировка: «Детей у Федора было много, всех по имени и не упомнишь» (Федорова Е., 17 лет) и т. п. По имени главы семьи вначале могут назвать жену: «Мама рассказывала, что будто бы жену этого прадеда Хотея называли Хотеевной, поэтому и образовалась фамилия Хотеевы» (Анна, 17 лет). В редком случае фамилия обязана женскому имени: «Одну из наших далеких предшественников звали Домна. Ее детей звали потом Домнины дети. <...> Буква “н” со временем исчезла» (Домина А., 18 лет).

Отыменная фамилия в большинстве случаев отсылает к имени предка-родоначальника или заставляет делать соответствующие предположения: «...наверное, от имени родоначальника: Иван — Иванов» (Демид, 17 лет); «Можно только предположить, что в роду был Кузьма» (Кузьмины) (Ольга, 17 лет).

Формульный текст развертывается за счет дополнительных сведений о первом предке или одного из типовых сюжетов, например создания семьи: «Очень давно возле поселка Ругозеро... стояла небольшая часовня, где служил монах Аникий. Он взял под защиту бедную девушку, которую хотели выдать замуж за богатого старика. В результате этого покровительства у них появились дети, которых в селе называли детьми Аникия, Аникиевыми детьми» (Анна, 17 лет).

Фамильный антропоним становится отправным моментом генеалогических разысканий: «Что касается фамилии, то мой дядя узнавал, искал, откуда она появилась. То, что он нашел, возможно, подтверждает наше новгородское происхождение. Феопентова (моя девичья фамилия) означает в переводе с греческого... пятибожье. В XV веке приехал греческий епископ Феопент, вел, конечно, не монашеский образ жизни, поэтому стали появляться Феопентовы дети. Отсюда и наша фамилия» (Ольга, 20 лет). Таким образом, с ононимом оказались связаны мотивы локального и сословного («духовного») происхождения рода, к которым присоединился популярный (и явно вторичный, объяснительный) мотив «немонашеского поведения» родоначальника. В ряде случаев фамилия дает веское основание судить о принадлежности предка к духовенству, как, например, Назаретовы — от «духовного» имени пращура (Виктория, 15 лет).

Если антропоним — основа фамилии — вызывает ассоциации с известными историческими и мифологическими персонажами, семантика мемората меняется. В редком случае персонаж признается прямым родоначальником, как в старообрядческом семейном предании: «Батюшка наш — Ноев. Фамилия его такая, потому как от Ноевого потопа их род идет» (Белосов 1979: 7). Обычно утверждается просто историко-культурная значимость фамилии, например Лаврентьев: «...когда-то давным-давно был на свете святой Лаврентий. Существует даже остров святого Лаврентия. Может быть, отсюда и пошла наша фамилия» (Юлия, 17 лет). На подобную интерпретацию влияет региональная традиция. Так, предположение, что фамилия Епифановы произошла «от раскольника Епифания», не случайно делается в семье коренных жителей Мезенского района Архангельской области (Светлана, 19 лет).

Единство рода и поселения утверждается их одноименностью. Во многих случаях фамилия «происходит от» названия деревни, иногда — города: «Мне известно, что существовал поселок под названием Кувшиново. Возможно, это обстоятельство и сказалось на нашей фамилии, так как раньше фамилии давались по названию местности» (Кувшинова Ю., 25 лет); «На Украине есть такой город — Быхов. Наши дальние предки жили в этом городе, оттуда и произошла наша фамилия» (Быховская С., 12 лет).

Ононимический мотив легко соединяется с топонимическим: фамилия Поповы — «от названия деревни Поповка, эта деревня когда-то принадлежала монастырю» (Слава, 12 лет); «Озеро возле хутора называлось Хрыли, так же назывался и хутор. <...> Отсюда и пошла фамилия отца — Хрылев» (Ольга, 20 лет). Выстраивается логическая последовательность: местность — поселение — фамилия.

Денотатом фамильного наименования, по семейным меморатам, крайне редко выступают природные объекты без опосредования их в названии поселения, но и этот способ номинации не исключается:

«Так как жили предки моего отца на Белом море, то и фамилию, вероятно, получили по названию местности» (Белая С., 21 г.; в семье есть еще две другие версии). Фамилия, в основе которой местное название ветра — «северик», указывает на то, что, «по всей видимости, предки пришли именно с севера, с более холодных уголков земли» (Северикова Л., 17 лет).

Обратная логическая операция при восстановлении «истоков рода» — предположение о местонахождении «родины» по фамилии: «Я думаю, что один из моих предков жил в деревне Шуньга, откуда и пошла фамилия Шуньгины» (Елена, 21 года); «Еще есть версия, что фамилия финская... в Финляндии есть деревня Кангас, название очень похоже на фамилию Ангас» (Татьяна, 17 лет).

По мнению историков и ономастов, названия поселений в большинстве своем органично образуются от антропонимов (Косвен 1963: 111–112; Русская ономастика 1994: 264). Согласно же семейным преданиям, выстраивается скорее обратная последовательность, поскольку устойчиво представление о происхождении рода «из» места. Мотив антропонимического происхождения топонима встречается значительно реже, обычно в форме предположения.

Вопрос о «первичности» топонима или антропонима в конкретных ситуациях представляет аналог дилеммы о курице и яйце; ретроспектива событий выстраивает попеременную цепь наименований, как, например, в таком сбивчивом рассказе: «Помню, как в детстве слышала я такое предание о своей фамилии от бабушки. В древние времена была около города Емецка, что в Холмогорском районе, *деревня Карча*. Хотя деревней-то ее и назвать нельзя, так как стоял на берегу речки один дом в глухом лесу. Жили в том доме мать с сыном. <...> И стал называть себя *Карчевским*. <...> Вспомнила, что позже бабушка рассказала мне о том, откуда взялась эта женщина и ее сын. Оказывается, они были сосланы из Латвии. <...> Так появилась эта фамилия около села Емецка, а *деревня Карча все-таки стала называться от фамилии, а не фамилия от названия деревни*» (Карчевская О., 19 лет).

Наименование родственного коллектива опосредованно связано с местностью, поселением через имя владельца земли. Этот распространенный способ получения фамилий крестьянскими семьями трансформируется в преданиях. Согласно предпочтению традиции, топоним создается «в честь» известного лица (творение=наименование), а реальные отношения собственности оттесняются отношениями порождения. Эта тенденция ясно выражена в следующих семейных рассказах:

1) «*Фамилия наша, Катюша, произошла от названия местности*, где когда-то жили наши предки. Раньше люди наследовали свои фамилии от названия местности той, где жили. А те места называли *зачастую по именам знаменитых людей*, живших там. Вот и наша фамилия произошла от названия такой местности, которая называлась “земля

Фоки». Отсюда и наша, а теперь и твоя фамилия — Фокины» (Фокина В.П., 66 лет);

2) «Девичья фамилия моей прабабушки — Орлова. Бабушка рассказывала, что Тверская губерния *находилась во владении одного из князей Орловых*. Семья моей прабабушки и их предки тоже жили в этой губернии, так что, возможно, что *один из князей Орловых является моим предком*» (Александра, 18 лет).

Последний сюжет широко распространен. Его схема: лицо знатного происхождения послан (сослан) в известную местность — приобретает (имеет) там земли — обзаводится потомством. Варианты создаются за счет мотивирующих обстоятельств в инициальной части и формы выражения основного, финального мотива. Сюжет инициируется не только «известностью» носителей фамилии, но и нетипичностью ее для данной местности: «У моего дедушки фамилия Давыдов. А ведь эту фамилию носили известные люди на Руси. <...> В нашей семье даже сочинили такую байку, что, мол, в Карелию в ссылку выслали какого-то Давыдова, ведь это не карельская фамилия» (Марина, 17 лет). В такой ситуации мотив «приобретения земли» исключается, создается трансформ сюжета.

Образование фамилии на основе прозвища — столь же типичный способ номинации, как и отыменность. Прозвища фиксируют внешние и поведенческие свойства, этнические, сословные и профессиональные характеристики, отсылают к неким обстоятельствам и инцидентам, к местности, предмету владения и т. д.: «Моя фамилия происходит от слова “сонник”. Это молитвенная книга, которую читали раньше на ночь. У прадеда была книга... которую читали чуть ли не всей деревней. И когда спрашивали: “К кому идешь?” — говорили: “К Сонникову”» (Сонникова П. С., 65 лет). Локальные наименования семейной группы (в том числе отфамильные) иногда являются неофициальными, «вторыми» фамилиями: «Когда к нам приходят в гости кто-нибудь из Дервянного (село, родина информанта. — *И. Р.*), нас часто называют Жандаровыми (из-за того, что прадед был жандармом)» (Ирина, 25 лет).

Осмысление фамилии как прозвища, данного в соответствии с реальными свойствами и фактами, предоставляет неограниченные возможности для заключений о предках: «Мой папа сказал, что фамилия Грызины происходит от слова “грызики”. Это люди среднего достатка, пытавшиеся выбиться в люди, как бы прогрызали дорогу к богатству, были мошенниками и аферистами» (Марина, 17 лет); «Бурцева — от “бурец”, серо-бурый камень, в переносном смысле — серый, невыдающийся человек» (Ирина, 18 лет).

Фамилия характеризует персонально предка, который в таком случае и оказывается «родоначальником»: «Фамилия наша идет от далекого предка, брянского крестьянина по прозвищу Бушуй. Его прозвали так за характер» (Бушуева Е., 17 лет). Ононимический мотив может инициировать развернутую характеристику прадеда.

Свойства, закрепленные фамилией, относятся к «предкам» вообще, то есть представляют историческую характеристику семьи: «Мне говорили, что дед был высокий красивый мужчина. <...> Его фамилия Великанов была говорящей. Он <...> рассказывал бабушке, что у них в семье все были высокие. И эту фамилию дали по прозвищу “великан” его прадеду» (Оксана, 18 лет). В равной степени такая характеристика может быть шуточной. О фамилии Лис: «...дедушка шутил по этому поводу, что либо наши предки были хитрыми, как лисы, либо удачно охотились на этих зверей» (Татьяна, 20 лет).

Наконец, значение фамилии оценивается с точки зрения наследственных качеств, и несовпадения всегда отмечают: «Говорили, что в станице наш предок какого-то колена, никто уже не помнит, жил отшельником, был нелюдимый. Дали ему прозвище “бирюк”. <...> Но, несмотря на нашу фамилию, все мы любим общение с людьми» (Бирюк А. В., 24 лет).

Идентификация прозвища облегчается благодаря общепольклорной традиции, наличие устойчивых культурных коннотаций: «Если говорить вообще о фамилии Гагарина, то истоком ее является название птицы *гагары*. <...> Была пословица: “Сколько ни мой гагару, все черная”. Поэтому гагарой иногда называли *черноволового, смуглого человека*. Могли назвать также *хохотуна, весельчака-зубоскала*. Надо сказать, что отличительной чертой нашей семьи является ярко выраженное чувство юмора» (Елена, 17 лет); «Моя фамилия образовалась от французского слова “пижан”, в переводе на русский язык это *голубь*. Моя семья была *спокойной*» (Пижанов Н., 11 лет).

В более сложных случаях результат этимологических разысканий приводит к необходимости устанавливать, скорее, внешние корреляции, для чего требуется известное остроумие: «Папа... говорил, что фамилия произошла от слов “сундук”, “скарбница”, “скрыня”. Вот и получилась фамилия Судник. Из этого можно предположить, что мои предки были не бедными людьми (было у них то, что можно положить в эти предметы). В убытке они не оставались!» (Алеся, 12 лет).

Из всего многообразия значений, включающего и указания на реальные свойства, и мифоритуальные ассоциации, актуализируются те, которые соотносятся с признаками семьи как объекта сравнения:

1) «Моя фамилия Катайнен переводится как “можжевельниковый”. Думаю, что эта фамилия подходит к нам, так как мы себя в обиду никогда не даем. Мы всегда пытаемся отстоять свои интересы» (Анна, 19 лет). Думается, имплицитная мотивировка состоит в том, что можжевельник — растение хвойное, колющее и известное как оберег (Топоров 1992б: 164).

2 «Бабушка объяснила мне так, что Маковой обозначает “мак”, “ветать”. А как известно, мак растет везде, даже и у нас на севере. Отсюда наш род (Маковеев) многочислен. Это подтверждают мои многочисленные родственники» (Маковеева Е., 18 лет). Мак органично ассоциирован с идеей множественности и, следовательно, «сбирания

родственников» (дополнительный аргумент в пользу синонимии значений «мака» и «грибов»; см.: Топоров 1992а: 90).

В тех случаях, когда фамилию не удается связать с особенностями данной семьи, фиксируется ее «исконность» и «региональность»: фамилия Ершovy, «говорят, произошла от названия рыбы ерш, водившейся в водах Заозерья. Дедушка рассказывал, что в то время в озере было много ершей» (Елена, 18 лет). Таким образом, значение слова локализуется.

Интерпретация фамилии часто завершается на стадии ее региональной или этнической идентификации: «Как говорит бабушка, по фамилии легко можно сказать о месте проживания предков. Моя фамилия завезена в Карелию из средней полосы, а об ее происхождении можно только догадываться» (Лебедева Л., 19 лет); «Только известно, что произошла она (фамилия Дубровины. — *И. Р.*) откуда-то из Сибири»; «Яровые — это украинская фамилия, она означает “весенний”» (Елизавета, 17 лет) и т. п. Минимальный текст такого рода: «[наименование] — это чисто (исконно) русская фамилия». Подобные утверждения характерны для представителей этнолокальных групп. Так, жители карельского и архангельского севера обычно уточняют, что Поповы, Пономаревы, Воронины — это «чисто поморские фамилии».

Стимулом для выяснения этнического происхождения и средством его подтверждения служит лексикограмматический и фонетический облик фамилии: «Отчим наполовину карел, а в деревне Ивлевы в основном карелы, но мне кажется, что фамилия русская, по звучанию» (Мальцева Н., 24 лет); «Моя фамилия неизвестно где берет свое начало; есть два варианта, первый — это то, что окончание “-ских” характерно для польских фамилий, но, следуя второй трактовке такого окончания, то известно, что в Предуралье были известны такие фамилии» (Подлевских Н., 18 лет).

В структуре слова-онима основным определителем этнической (отчасти локальной, сословной) принадлежности является суффикс. На этот счет есть ряд стереотипов массовых знаний. По распространенному убеждению, суффикс *-ин* (особенно при неясности лексического значения корня) указывает на еврейское происхождение, *-ский* — на еврейское и польское и т. д. Последний может свидетельствовать также о дворянском происхождении или принадлежности к духовенству. В звуковом облике фамилии важный признак — ударение, поскольку оно может указывать на дворянское родословие (один из информантов подробно объяснял в этой связи, что в его фамилии — Селезнев — ударение должно быть только на первом слоге).

Установки на «историчность», этническую и локальную закрепленность сказываются в тенденции выявлять корневую основу фамилии среди историзмов и диалектизмов: «Так как деревню нашу заселяли бежавшие от монголо-татарского ига, то фамилия (Башловкина. — *И. Р.*), возможно, некоренная, от “башловка” — у казаков почетный дар из до-

бычи начальнику или более отличившемуся» (Светлана, 19 лет); «В древние доспехи русичей входил небольшой шлем, а к нему была прикреплена мелкая кованая кольчуга, которая закрывала воину шею сзади и [с] боков. Вот эта-то мелкая кольчужка называлась шаль. Ковали ее искуснейшие мастера, звали их кователи шали. Отсюда и фамилия твоя — Шалькова, так что знай и гордись, что ты носишь древнейшую чисто русскую фамилию» (Шальков В. А., 49 лет, из письма к дочери).

Нередко для реконструкции полнозначной основы требуется видоизменить фамилию. Эта операция всегда находит объяснение в графических искажениях, произошедших при оформлении документов: «Фамилия моего отца (Вярбовский. — *И. Р.*) очень редкая. <...> Я думаю, что она пошла либо от слова “верба”, или “вербовать”. <...> Дело в том, что когда папа получал паспорт, то ему неправильно написали букву, вместо “е” — “я”» (Юлия, 17 лет).

Реконструкция «подлинного» значения фамилии на основе выявления искажений, произошедших в течение ее «жития», представляет один из типовых сюжетов, которые рождаются в поисках происхождения семьи. Мотив «ошибки паспортистки» при оформлении документов (аналоги — «недосмотр» или «плохое произношение» родственника) является ведущим в рассказах о преобразовании фамилии, которые представляют часть «этиологического текста»: «Папа рассказал предание, которое гласит о том, что наш дальний родственник (был хохлом) пошел оформлять документы. Он находился в нетрезвом состоянии и не заметил ошибку паспортистки, которая вместо Бермусенко написала Бермус. Я не знаю, правда ли это. Ведь можно утверждать, что фамилия литовская...» (Елена, 17 лет). Значение данного мотива определяется тем, что официальная, документальная фиксация означает собственно «рождение» фамилии, по отношению к которому прозвище, имя родственника или иной фактор номинации являются «предысторией».

Возможность множественных интерпретаций осознается и выражается в текстах различной модальности — утвердительных, гипотетических, шуточных: «Происхождение своей фамилии я выясняла сама из книги. <...> Произошла моя фамилия (Бирилова. — *И. Р.*) от сербохорватской (Бирилло), при обрусении фамилия получила суффикс *-ов(а)*. В семье я слышала интерпретацию своей фамилии как слияние глаголов “бери” и “лови”, но это звучало как шутка» (Ирина, 19 лет).

Основания для реконструкции этнической принадлежности предков дает лексическая основа фамилии: «Хаимова — это еврейская фамилия, только теперь она с русским произношением и была переделана в советское время. <...> Я раньше и представить не могла, что моя фамилия означает “жизнь”. Это здорово» (Лариса, 18 лет). Аналогичное значение у фамилий, восходящих к этнонимическим прозвищам: по фамилии Татаринова «можно судить, что без участия татаро-монголов наш род не обошелся» (Мария, 22 лет).

По фамилиям определяется сословный, конфессиональный, должностной статус предков: «Отец прадеда был старостой в деревне. Отсюда и пошла фамилия: старосты сын — Старостин» (Нина, 17 лет); «...так как одна из моих прапрабабушек была старообрядкой, люди стали называть всю семью староверами. Так появилась фамилия Староверовы» (В. А., 26 лет); «Фамилия Дьяконов пришла к моему отцу от моего прадеда. <...> Есть предположение, что в роду был какой-то священнослужитель, а именно дьякон. Но это уже говорит, что фамилия русская» (Антонина, 18 лет). Принадлежность предков к духовенству, аргументируемая любым способом, часто служит поводом акцентировать русское происхождение.

Одна из самых обширных областей значений фамилия — род деятельности предков. Она же представлена наибольшим разнообразием способов интерпретации, то есть типов связи между денотатом ономики и семантикой фамилии. Самые ясные случаи: «Мои предки были мельниками. Они молотили муку, отсюда и пошла фамилия Мельниковы» (Юля, 12 лет); «У семьи (Кузнецовых. — *И. Р.*) была с давних времен кузница, и даже название деревни Сеппя с карельского языка переводится как “кузница”» (Елена, 17 лет).

Видимая ясность лексического значения не исключает дополнительной верификации. Так, фамилия Золотарев стандартным способом объясняется тем, что «далекий предок был цыганом и занимался ювелирным делом, то есть имел постоянное общение с золотом. Назывался он “золотарь”, и в наименовании усматривается “что-то царственное, золотое”» (Татьяна, 17 лет). Трудно исключить другую возможность истолкования исходного прозвища с противоположным (в мифологическом плане) значением (Новичкова 1996).

Согласно семейным преданиям, род занятий может быть закреплен в фамилии по характеру действий: фамилия Тюкины — «видимо, произошла от глагола “тюкать” — ударять, бить, так как в Вельске мои предки были плотниками и рабочими-крестьянами» (Светлана, 17 лет). Фамилия Даншова в очень приблизительном «переводе» с карельского истолковывается как «тот, кто привозит» (текст и комментарий см.: Разумова 1998, 628, № 21).

Многочисленность интерпретаций, связанных с родом занятий, обусловлена тем, что большинство денотатов, в том числе те, значение которых сложно скоррелировать со свойствами человека, могут быть рассмотрены в качестве объекта приложения культурной деятельности. Так, из нескольких версий происхождения фамилии Слоевы наиболее вероятной признается та, что предки «занимались земледелием на почве — верхнем слое земли» (Тамара, 20 лет).

По данному признаку объединяются фамильные наименования, прямые значения которых весьма различны: Овчинникова — «от “овчина”; человек занимался выделкой шкур овец» (Анна, 19 лет); Алехин — «име-

ет какое-то отношение к оленеводству. И если еще учесть тот факт, что мой прадед жил в Якутии, то становится понятной и фамилия, а возможно, и занятие моего предка» (Анна, 17 лет); Волковы — «занимались охотой, и часто — охотой на волков» (Мария, 17 лет, есть близкий вариант); Опарина — «есть предположение, что фамилия произошла от слова “опара”; так как у бабушки со стороны отца в роду были пекари, то, возможно, наблюдается прямая зависимость фамилии от этой профессии» (Лариса, 18 лет) и т. п.

Далеко не все тексты столь лапидарны и жанрово однородны. В семье Зубковых (город Петрозаводск) передается сказка о лекаре, который вылечил царю зубы и получил руку царской дочери. Продолжением является этиологический рассказ: «У лекаря не было имени и фамилии. И князь решил дать ему имя Лехар, а фамилию — Зубко. <...> Один из его сыновей стал также зубным лекарем, и его стали называть Зубков сын. И с тех пор из поколения в поколение продолжается род под фамилией Зубковы» (Зубкова Ф. М., 73 лет).

В значении фамилии усматривается указание на результат человеческой деятельности в его, прежде всего, «предметном» выражении: «Фамилия Подгол происходит от слова “угол”. Прадедущка моей бабушки строил дома, сараи, которые назывались “углами”. Поэтому сначала его называли <...> Углов, потом эта кличка видоизменялась, и в результате получилась фамилия Подгол» (Наталья, 20 лет); фамилия Коротышев «происходит от коротышей (деревянные столбики, на которые ставили клеть церкви), то есть от профессии делавшего их» (Вячеслав, 17 лет). Фамилия может быть получена даже от «прозвища» изделия, данного самим мастером: например, Чубиевы — от того, что «якобы папин прадедущка сшил сапоги, носки которых загибались вверх, и назвал их чубин-сапоги» (Анастасия, 18 лет). Эта группа текстов особенно насыщена историко-этнографическими комментариями в силу того, что реконструируется предметный мир (а) реальной конкретики прошлого и (б) являющийся результатом этимологических спекуляций. Вследствие того и другого, он экзотическим.

Результат профессиональной деятельности имеет не только предметное выражение. В семье потомственных портных говорят: фамилия Новожиловых «пошла от того, что, надевая вещи, которые шили портные нашего рода, люди стремились выглядеть лучше, понравиться друг другу — жить по-новому» (Ольга, 26 лет). Значением номинатива, таким образом, оказывается «создающий новую жизнь», что отсылает к сфере мифологизации профессионального, особенно династического, опыта.

Устанавливаемые соответствия значений могут приобрести характер «обратной связи»: «Моя фамилия раньше звучала не “Терновая”, а “Терновская”. <...> Интересно, что корень (“терн”) как бы предопределил род занятий моего прапрадеда — он занимался выращиванием терновых деревьев» (Татьяна, 20 лет).

Связь между фамилией и онтологическими свойствами семьи не имеет в системе современных представлений характера жесткой зависимости, но она, несомненно, существует как вероятная, предполагаемая, иногда мистическая, случайная или реализовавшаяся в прошлом (при наименовании).

Сюжетика ононимических преданий базируется на мотивах с предикатами «происхождения», «получения», «присвоения» (субъектом), «изменения», «выбора» фамилии. Объектом исходного наименования выступает один персонаж или семейная группа в целом. Субъект именная нарицательная в языковом выражении часто безлична («стали называть»), что не означает отсутствия имядателя — собирательного или персонализированного образа. Мотивацию присвоения фамилии, помимо существенных признаков семьи или первого получателя прозвища, создают «исторические» обстоятельства, единичное событие, внутрисемейные и личные коллизии.

Инциденты, создавшие фамилию, связаны с поступком родственника или ситуацией, в которой он оказался. Соизмеримыми по масштабу они являются только в отношении к памяти конкретной семейной группы. В семье с дворянской родословной живет предание о подвиге предка во время «стояния на реке Угре» в 1480 году: «Поздно ночью солдат Иван переплыл Угру, пробрался к шатру хана Ахмата и похитил часть оружия — “тули”, на обратном пути зарубив четверых татар. За этот подвиг ему дали фамилию Потулов, то есть “ходил по тули”» (Александр, 17 лет). В другой семье рассказывают об анекдотических обстоятельствах получения предком прозвища — основы фамилии Жеребины: «...однажды он шел по деревне (когда еще был молодым) из лесу. И к нему сзади прицепилась трава, длинная и старая... А так как мой предок был сам смуглым, волосы черные, кучерявые, с завитушками, то один мужик взял да и назвал его жеребеночком» (Жербина К., 18 лет).

Метасюжет «присвоения фамилии» включает два последовательных звена, которые в конкретных сюжетах часто совмещаются: 1) создание имени и 2) его официальное санкционирование. На первом этапе функции имядателя выполняет общество («люди»), на втором — государство или его представители. Эта структура отчетливее выявляется в рассказах об изменении фамилий.

В роли государственного имядателя традиционно выступает Петр I: «...прадед рассказывал, что его прапрадед ездил в Петербург к Петру I вместе с дочкой Ольгой. Аудиенция была насчет тягбы. <...> Фамилия была весьма трудной, но царь нашел способ именовать крестьянина. Он спросил у девочки ее имя. “Олюшка”, — последовал ответ. — “Олюшка и Олюшкин отец! Быть вам теперь всем Олюшкиными, да и земле вашей тоже быть таковой!” <...> С тех пор и принято считать начало рода Олюшкиных» (Галина, 17 лет).

Субститутом традиционного фольклорного мотива «царского слова» становится «правительственный указ», требующий наречения фамилии, — ситуация, актуальная для некоторых этносов в относительно недавнем прошлом: «В свое время по указу Петра I все жители деревни (карельской. — *И. Р.*) были крещены и обращены в христианскую веру. При крещении они все получили русские имена и фамилии. Отсюда и русская фамилия моего отца — Леонтъев» (Александра, 17 лет); «В 1957 году вышел указ Н. Хрущева об оседании кочевых народностей, в первую очередь он касался цыган... Также в указе говорилось о том, что каждый должен получить паспорт либо другие документы, указывающие на личность человека. Так как у них не было ни фамилии, ни документов, то табор (имя невестки. — *И. Р.*) взял фамилию по названию города, в котором находились» (Череповецкие) (Алла, 19 лет).

В других случаях государственная воля выражается привычной языковой формой глагола (3 лет, множественное число): «После революции жизнь в деревнях резко переменялась. Населению *стали менять* карельские и финские имена на русские, так, например, нашу фамилию Якконен *переменяли* на фамилию Яковлевы» (Юлия, 18 лет); «Осталось в памяти семейное предание о том, что фамилия их была Романовы. <...> Это было большое село. В каждом, грубо говоря, пятом доме жили Романовы. Как тут не вспомнишь 1917 год! Многих расстреляли. Остальным *дали другие фамилии*» (Любовь, 26 лет) и т. п.

При перемене фамилии в функции государственного имядателя выступает безымянная паспортистка (работник сельсовета), которая, будучи «малограмотной» или «не расслышав», делает неправильную запись в документах (акт, равнозначный «творению»). Этот мотив чрезвычайно популярен.

Утрата документов означает временное исчезновение фамилии и высокую степень вероятности ее последующего изменения как искажения или переименования: «*Настоящая* фамилия моего деда (по линии мамы) — Васильев. Когда он переезжал в Карелию, ему потребовались документы, но они сгорели. <...> И тогда секретарь сельского совета по имени отца — Григорий — дал фамилию Григорьев» (Алена 21 года); «Хочу заметить, что у нашей семьи *неправильная фамилия*, не такая, как у деда и папиных братьев. Все объясняется тем, что, когда папе выдавали свидетельство о рождении, там было неправильно написано две буквы... Правильная фамилия — Хмяляйнен, а у нас — Хемеляйнен» (Светлана, 17 лет) и т. п. Аналогично ситуации с парностью имен, «настоящая», «правильная», предыдущая фамилия сохраняется как факт приватной жизни и семейной истории.

Значение этого мотива определяется тем, что изменение семейного наименования обозначает если не «перерождение» семьи, то начало нового этапа ее жизни. Магические цели присвоения фамилии те же, что у любого антропонима: Мацута — фамилия матери информанта — «пе-

реводится на русский язык с осетинского “Не уходи”. От болезни умер целый род, и тем, кто оставался в живых, прадеды велели брать одну фамилию, чтобы сохранить остатки рода» (Елена, 18 лет). Безусловно, семейное предание фиксирует реальную ритуальную ситуацию.

Изменение фамилии может иметь психологически компенсаторную функцию, как свидетельствует о том семейный рассказ, в котором в роли имядателя = помощника выступает священник: «У моего дедушки фамилия была Вахрушев. И когда он был маленький, одноклассники на него обзывались: “Вахруш, Вахруш, гору не обрушь”. Он очень обижался, а иногда даже и плакал. Тогда он пошел к попу и рассказал ему про это. (Поп советует взять фамилию от имени прадеда — *И. Р.*). Вот поэтому моя фамилия Степанова» (Оксана, 17 лет)

В известных исторических обстоятельствах широко практиковался «защитный» вариант перемены фамилии с использованием возможности выбора в рамках семьи или в форме произвольного самоприсвоения: в годы репрессий бабушке-финке после заключения «пришлось скрываться, так как национальность эта очень преследовалась. Она поменяла паспорт, в котором сменила свою фамилию Пюкке на фамилию Иванова» (Лариса, 17 лет). Такие сюжеты в настоящее время актуализированы, часто и легко вербализуются.

Перемена фамилии может быть связана с внутрисемейным размежеванием родственников. Исторически эта ситуация была обусловлена разрастанием и делением семей, что приводило, в частности, к появлению двойных фамилий даже в крестьянской среде или к обычаю смены фамилии через три поколения (Бусыгин и др. 1993: 108). Факт зафиксирован в семейных меморатах: «...знаю одно, что фамилия Харитоновы была очень распространена, и поэтому наша семья решила расколоться на Харитоновых и Митруковых» (Галина Е., 43 лет).

Таким же способом закрепляется «раскол» вследствие конфликта: «Брат (отца информанта. — *И. Р.*) был за старую власть, братья — за новую власть. Были Фокины. Чтобы отмежеваться как-то, взяли фамилию Ермилины. Они взяли сами. Может, где-нибудь в роду они такого родственника и имели — Ермила» (Александра А., 70 лет).

Функцию имядателя индивид может принять на себя сам по разным побудительным причинам. «Защитный» мотив преобладает. Дальний прадед, прозванный «скороходом» за соответствующее качество, поменял на это прозвище фамилию при переходе границы, «чтобы их не задержали» (за что, информант не знает) (Скороход А., 18 лет). Не исключено переименование по прихоти субъекта: бабушку и ее сестер в детстве дразнили «пованками» за задиристый характер, она «в школе назвалась так, и в паспорте записали» (Пованова) (Лариса, 18 лет); предок-капитан меняет фамилию на прозвище Бувев, потому что оно как нельзя лучше соответствует его характеру (Инна, 21 г.) и т. п. Такое поведение реализует возможность выбора фамилии, — мотив хотя и ограниченно, но

представлен в меморатах. Часто этот опыт не вербализуется, поскольку связан с конфликтными ситуациями, эмоциональными переживаниями, этически ненормативными поступками (отказ от родительской фамилии, например).

Выбор осуществляется между фамилией и прозвищем, а в реальности обычно — между разными фамилиями родителей или фамилией мужа и наследственной. Он всегда связан с личностным самоопределением: «Когда я подумала, какую фамилию мне лучше взять, то решила, что мамину девичью. Здесь большую роль сыграло то, что о маминном родовом древе я знаю намного больше... так как здесь у нас очень много родственников по маминой линии» (Анна, 19 лет).

В силу внешних факторов и сознательных действий родственников в семьях соединяются носители разных фамилий, что воспринимается неодинаково: как память об исторических перипетиях жизни семьи, показатель специфического положения и судьбы этнических меньшинств, знак разветвленности семейных связей, свидетельство давления государства на приватную сферу или повод для шуток: «Наша фамилия (фамилия мамы) имеет два вида — Баербах и Беербах. Дело в том, что после революции полуграмотные люди записывали ее как хотели. <...> Я считаю, что это произошло из-за особенностей немецкой грамматики» (Марина, 27 лет); «Вообще наша настоящая фамилия, которая была и у нашего деда, и прадеда, — это Романовы. Но случилось так, что во время II мировой войны мой отец и его младший брат потерялись при бомбежке. <...> Затем бабушка нашла своих детей, но в документах уже стояла их новая фамилия. Так и получилось, что трое детей в семье носили фамилию Романовых, а двое Николаевых» (Алла, 17 лет).

«Разность» фамилий отмечается в основном тогда, когда это касается братьев и сестер, включая сводных и единоутробных, и близких родственников по отцовской линии; иногда возможно расширение этого пространства. Тенденция итоговой оценки ситуации такова: «Хотя фамилии в нашей семье разные, наша семья очень дружная». «Житие» фамильного наименования, безусловно, представляет самостоятельный интерес, но, как отметила одна из информантов после рассказа о нем, «главное, что важно для меня, это факт рождения моего отца, который родился в 1936 году и достойно носит свою фамилию» (Л. М., 26 лет).

Литература

- Белоусов 1979: *Белоусов А. Ф.* О влиянии старинной письменности на мировоззрение русских старожилов Прибалтики // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 491: Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей. Тарту, 1979.
- Бусыгин и др. 1973: *Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.* Ответственный и семейный быт русского населения Среднего Поволжья:

- Историко-этнографическое исследование (середина XIX — начало XX вв.). Казань, 1973.
- Косвен 1963: *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
- Новичкова 1996: *Новичкова Т. А.* Сор и золото в фольклоре // Полярность в культуре. СПб., 1996.
- Пушкарева 1996: *Пушкарева Л. Н.* Русская семья X—XVII веков в «новой» и «традиционной» демографической истории // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.
- Разумова 1998: *Семейные рассказы* / Предисл. и публ. И. А. Разумовой // Русский школьный фольклор. М., 1998.
- Русская ономастика 1994: *Русская ономастика и ономастика России: Словарь* / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994.
- Топоров 1992а: *Топоров В. Н.* Мак // Мифы народов мира. М., 1992. Т. 2.
- Топоров 1992б: *Топоров В. Н.* Можжевательник // Там же.